

АРТЎР
КОНАН ДОЙЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЗНАТНОГО ХОЛОСТЯКА

Шерлок Холмс ведет дело только что женившегося знатного лорда. Его новоиспеченная жена — милая и обаятельная богатая наследница. Но куда она пропала сразу после бракосочетания? В сборник включены 4 захватывающих приключенческих истории.

«— Ах, Ватсон, — сказал Холмс с улыбкой, — быть может, и вы поутратили бы любезные манеры, если бы после всех беспокойств с ухаживанием и бракосочетанием вы обнаружили бы, что лишились и жены, и огромного состояния».

Артур Конан Дойл

**Приключение знатного
холостяка (сборник)**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Приключение знатного холостяка (сборник) / А. Дойл —
«Эксмо»,

ISBN 978-5-699-92535-3

Истории о загадочных преступлениях, раскрыть которые способен только гениальный сыщик Шерлок Холмс. Дела всё запутаннее и опаснее, к чему же приведут расследования? В книге — рассказы А. Конан Дойла из разных сборников.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92535-3

© Дойл А.
© Эксмо

Содержание

Приключение с львиной гривой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Артур Конан Дойл

Приключение знатного холостяка

Приключение с львиной гривой

Как ни удивительно, но проблема, бесспорно, по загадочности и необычности не уступающая самым сложным, с какими мне довелось столкнуться на протяжении моей долгой профессиональной карьеры, не только представилась мне после моего ухода на покой, но и, так сказать, оказалась у самого моего порога. Произошло это после того, как я затворился в моем сассекском домике и всецело отдался той умиротворяющей жизни на лоне Природы, о которой я так часто жаждал думать в долгие годы, проведенные в мрачном сумраке Лондона. В этот период моей жизни добрый Ватсон почти исчез из нее. Изредка он приезжал на субботу-воскресенье, но больше мы не виделись. И потому мне приходилось самому быть своим летописцем. А! Будь он со мной, как он живописал бы столь примечательный случай и мое победное преодоление всех трудностей! Ничего не поделаешь, придется мне самому рассказать эту историю в моей безыскусной манере, собственными словами описывая каждый мой шаг на трудном пути разгадки тайны Львиной Гривы.

Моя вилла расположена на южном склоне Даунсов, откуда открывается великолепный вид на Ла-Манш. Берег в этих местах состоит из меловых обрывов, и спуститься к воде можно по единственной петляющей тропе, крутой и скользкой. Даже в час полного прилива она приводит к сотням ярдов мелких камней и гальки. Там и сям, однако, виднеются озерца и заводи, словно созданные для пловцов, и вода в них меняется с каждым приливом. Этот чудесный пляж простирается на несколько миль и вправо и влево, и лишь в одном месте его разделяет маленькая бухта с деревушкой Фулуорт над ней.

Мой дом стоит в стороне. Я, моя старая экономка и мои пчелы имеем все вокруг в нашем полном распоряжении. Однако в полумиле находится пользующееся широкой известностью училище Гарольда Стэкхерста «Фронтон», внушительное заведение, в котором около двадцати юношей проходят подготовку к занятию разными профессиями под руководством нескольких учителей. Сам Стэкхерст в свои университетские годы отличался в гребле и был разносторонним эрудитом. Мы с ним сошлись, едва я поселился там, и причем так близко, что без приглашения заходили друг к другу скоротать вечерок.

К концу июля 1907 года разразился свирепый шторм. Ветер с Ла-Манша гнал валы к подножью обрывов, и с начала отлива там образовалась большая лагуна. Утром, о котором идет речь, ветер стих, и вся омытая Природа дышала свежестью. Работать в такую восхитительную погоду было невозможно, и перед завтраком я вышел подышать пьянящим воздухом. Я направился по тропе к крутому спуску на пляж. Внезапно меня окликнули сзади, и, обернувшись, я увидел Гарольда Стэкхерста, который весело махал мне рукой.

– Какое утро, мистер Холмс! Я так и знал, что вы пойдете погулять.

– Как вижу, вы собираетесь поплавать.

– Взялись за свои старые штучки, – засмеялся он, похлопывая туго набитый карман. – Да. Макферсон вышел пораньше, и, думаю, найду его там.

Фигурой Макферсон преподавал естественные науки, достойнейший молодой человек, чья жизнь была погублена сердечной слабостью, следствием ревматической лихорадки. Однако он был прирожденным атлетом и отличался во всех играх, которые не требовали слишком напряженных усилий. Летом и зимой он спускался поплавать, и я, сам любитель плавания, часто присоединялся к нему.

В эту минуту мы увидели самого Макферсона. Его голова возникла над краем обрыва у начала тропы. Затем вся его фигура. Он пошатнулся, будто пьяный. В следующую секунду он вскинул руки и с жутким воплем упал ничком. Мы с Стэкхерстом бросились к нему – до него было ярдов пятьдесят – и перевернули его на спину. Было ясно, что он умирает. Остекленные провалившиеся глаза, свинцовое лицо неумолимо свидетельствовали об этом. На мгновение проблеск жизни осветил его лицо, и он пробормотал два-три слова, видимо, предостережения. Невнятные, еле слышные, но мне почудилось, что последние, сорвавшиеся с его губ, были «львиная грива». Абсолютно неуместные и неудобопонятные, но никак иначе я не мог их истолковать. Затем он приподнялся, взмахнул руками и рухнул на бок. Он был мертв.

Мой спутник был парализован внезапностью и ужасом случившегося, но я, как легко себе представить, весь насторожился. И не напрасно. Сразу же стало ясно, что мы столкнулись с чем-то экстраординарным. На нем были только габардиновый плащ, брюки и не зашнурованные парусиновые башмаки. Когда он упал, плащ, просто наброшенный на плечи, соскользнул, обнажив его торс. Мы в ошеломлении уставились на его спину, всю в узких багровых полосках, будто его страшным образом высекли бичом из тонкой проволоки. Бич, которым производилась эта порка, был несомненно очень гибким, так как опухшие рубцы загибались на плечи и грудную клетку. По его подбородку ползли капли крови – в мучительной агонии он прокусил нижнюю губу. Искаженное лицо и запавшие щеки свидетельствовали, какой невероятной была эта агония.

Я опустил на колени возле трупа, а Стэкхерст стоял рядом, когда на нас упала тень, и мы увидели, что к нам подошел Йен Мэрдок, преподаватель математики в училище, высокий худой брюнет, настолько молчаливый и замкнутый, что, казалось, у него вообще не было друзей. Он словно обитал в некоей возвышенной сфере иррациональных чисел и конических сечений, почти не соприкасаясь с обычной жизнью. Ученики считали его ненормальным, и он стал бы мишенью насмешек, однако в его жилах явно чувствовалась примесь какой-то экзотической южной крови, о чем свидетельствовали не только угольно-черные глаза и смуглость, но и вспышки раздражения, которые нельзя было иначе назвать, кроме как бешеными. Как-то раз, когда ему докучала собачка Макферсона, он схватил ее и швырнул в зеркальное стекло окна, за что Стэкхерст, несомненно, уволил бы его, не будь он столь ценим как преподаватель. Вот каким был странный эксцентричный человек, который теперь подошел к нам. Он словно был искренне ошеломлен открывшимся ему зрелищем, хотя история с собачкой могла указывать, что между ним и умершим особой симпатии не существовало.

– Бедняга! Бедняга! Что я могу сделать? Как помочь?

– Вы были с ним? И знаете, что произошло?

– Нет-нет. Сегодня утром я припозднился и вообще на пляж не спускался. Я пришел прямо из «Фронтон». Чем я могу помочь?

– Вы можете поспешить в полицейский участок в Фулуорте, чтобы незамедлительно сообщить о случившемся.

Не говоря ни слова, он побежал со всей быстротой, на какую был способен, я же взялся за дело, а Стэкхерст, все еще в глубоком ошеломлении, оставался возле покойника. Для начала, разумеется, мне необходимо было выяснить, кто еще находился на пляже. Сверху, у начала тропы, он был виден весь абсолютно безлюдный, только вдали две-три темные фигуры, направлявшиеся в сторону деревни Фулуорт.

Покончив с этим к своему удовлетворению, я медленно пошел вниз по тропе. К мелу примешивалась мягкая глина, и кое-где я видел отпечатки одних и тех же следов как поднимающихся, так и спускающихся. В это утро по тропе больше никто на пляж не спускался. В одном месте я обнаружил отпечаток ладони с пальцами, обращенными вниз. Это могло означать лишь одно: бедняга Макферсон, взбираясь, упал. А круглые углубления свидетельствовали, что он не раз падал на колени. У подножья тропы отлив оставил обширную лагуну. На

ее краю Макферсон разделся, поскольку на камне лежало его полотенце, сложенное и сухое. То есть создавалось впечатление, что в воду он все-таки не входил. Раза два, осматривая пляж вокруг, я натыкался среди гольшей на песчаные прогалинки с отпечатками как подошвы его парусинового башмака, так и его босой ноги. Последнее свидетельствовало, что он совсем приготовился окунуться, но полотенце указывало, что в воду он так и не вошел.

Теперь проблема определилась четко – не уступающая в странности ни единой из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Макферсон пробыл на пляже никак не более четверти часа. Стэкхерст вышел из «Фронтон» следом за ним, так что тут сомнений никаких быть не могло. Он намеревался искупаться и разделся, как свидетельствуют отпечатки босых ног. Затем внезапно он вновь натянул свою одежду, причем кое-как, не застегивая, – и вернулся наверх, не искупавшись или, во всяком случае, не вытираясь. Причиной же перемены его намерения стало то, что его бичевали свирепым, бесчеловечным образом, пытали так, что в агонии он прокусил себе губу, а затем бросили, когда силы у него хватило, чтобы добраться до верха и там умереть. Кто совершил это варварское преступление? Правда, в подножье обрывов имелись ниши и пещерки, но восходящее солнце светило прямо в них, и укрыться там было нельзя. Фигуры на пляже в отдалении? Казалось, они находились слишком далеко, чтобы иметь касательство к преступлению. А широкая лагуна, в которой намеревался искупаться Макферсон, находилась между ним и ими, накатывая волны на подножье обрыва. В море неподалеку маячили два-три рыбацких баркаса. Этих рыбаков, видимо, придется допросить попозже. Направлений для расследования было несколько, но ни одно не вело к сколько-нибудь определенной цели.

Когда я наконец вернулся к телу, вокруг уже собралось несколько случайных прохожих. Стэкхерст, разумеется, по-прежнему оставался там, и как раз подошел Йен Мэрдок с Андерсоном, деревенским констеблем, дюжим, с огненно-рыжими усами, принадлежащим к тому типу медлительных солидных сассексцев, чья тяжеловесная молчаливость прячет немалую толику здравого смысла. Он внимательно выслушал все, что мы рассказали, делая заметки, и наконец отвел меня в сторону.

– Я буду рад вашему совету, мистер Холмс. Мне такое дело не очень по плечу, а начальство в Льюисе меня не помилует, если я напутаю.

Я порекомендовал ему тут же послать за его непосредственным начальником и доктором, а также обеспечить, чтобы до их приезда тут ничего не трогали и как меньше новых следов оставлялось бы на пляже. Тем временем я обыскал карманы покойника, обнаружив носовой платок, большой нож и футлярчик для визитных карточек. Из него торчал листок бумаги, который я развернул и отдал констеблю. Женским нечетким почерком на листке было написано: «Буду там, можешь не сомневаться. Модии». Несомненно любовная интрижка, свидание, но когда и где, оставалось неизвестным. Констебль убрал листок в футлярчик, который вместе с ножом и платком вернул в карман плаща. Затем, поскольку делать там ничего не оставалось, я вернулся домой позавтракать, предварительно обеспечив исчерпывающий обыск подножия утесов.

Часа через два пришел Стэкхерст и сообщил мне, что тело доставлено в «Фронтон», где будет проведено дознание. У него были и некоторые другие важные новости. Как я и ожидал, в пещерках внизу обрыва ничего найдено не было, но он просмотрел бумажки в столе Макферсона, среди которых оказались интимные письма некой мисс Мод Беллами из Фулуорта. То есть мы теперь знали, кем была написана записка.

– Письма в полицию, – объяснил он, – и я не мог их принести. Но, без всяких сомнений, это не было простой интрижкой. Хотя я не нахожу никакой связи с ужасной трагедией, если не придаться к тому, что барышня назначила ему свидание.

– Но вряд ли у лагуны, куда вы все ходите купаться, – заметил я.

– Чистая случайность, что с Макферсоном не было студентов.

– Действительно ли случайность?

Стэкхерст сдвинул брови, задумавшись.

– Йен Мэрдок задержал их, – сказал он. – Потребовал разбора какого-то алгебраического примера перед завтраком. Бедняга, все это его просто сокрушило.

– Однако, насколько я понял, друзьями они не были.

– Да, одно время. Но год назад, если не больше, Мэрдок настолько близко сошелся с Макферсоном, насколько это возможно при его характере, отнюдь не самом уживчивом.

– Я так его себе и представлял. Помнится, вы мне что-то говорили о ссоре из-за дурного обращения с собакой.

– Она благополучно уладились.

– Но, быть может, оставила желание поквитаться.

– Нет-нет. Я уверен, они стали настоящими друзьями.

– Ну, в таком случае следует заняться девушкой. Вы ее знаете?

– Ее все знают. Местная красавица – подлинная красавица, Холмс, и привлекла бы к себе внимание где угодно. Я знал, что Макферсон был в нее влюблен, хотя понятия не имел, что дело зашло настолько далеко, насколько указывают эти письма.

– Но кто она?

– Дочь старого Тома Беллами, владельца всех прогулочных лодок и купален на колесах в Фулуорте. Поначалу он был рыбаком, но теперь стал довольно состоятельным человеком. Делом он управляет вместе с сыном Уильямом.

– Не сходить ли нам в Фулуорт поговорить с ними?

– Под каким предлогом?

– О, найти предлог нетрудно. В конце-то концов, несчастный не сам так себя пытал. Какая-то человеческая рука сжимала рукоятку бича, если действительно полосы эти оставил бич. Круг его знакомых в таком захолустье по необходимости был ограничен. Так исследуем этот круг по всем направлениям, и, конечно же, мы сумеем обнаружить мотив, который приведет нас к преступнику.

Прогулка по благоухающим тмином холмам могла бы показаться очень приятной, если бы наши мысли не были отравлены ужасной трагедией, которой мы оказались свидетелями. Деревня Фулуорт расположена в ложбине, полумесяцем охватывающей бухту. Позади старинной деревушки на склоне виднелись дома современной постройки. Стэкхерст повел меня к одному из них.

– Вон «Гавань» – название, выбранное Беллами. Дом с угловой башенкой и шиферной крышей неплох для человека, который начал с пустого места... Черт возьми, только поглядите!

Калитка «Гавани» открылась, и из нее вышел мужчина. Не узнать эту высокую угловатую нескладную фигуру было невозможно: Йен Мэрдок, математик. Секунду спустя он оказался перед нами на дороге.

– О-о! – сказал Стэкхерст. Мэрдок кивнул, искоса взглянув на нас этими странными темными глазами, и прошел бы мимо, но директор схватил его за рукав.

– Что вы там делали? – спросил он.

Лицо Мэрдока вспыхнуло от гнева:

– Я ваш подчиненный, сэр, под вашим кровом. Но я не знал, что обязан отчитываться перед вами в моих личных делах.

Нервы Стэкхерста были перенатянуты после всего, что ему пришлось вынести, иначе, пожалуй, он сдержался бы. Но теперь он рассвирепел:

– В данных обстоятельствах ваш ответ – чистейшая наглость, мистер Мэрдок.

– Ваш вопрос, возможно, подходит под то же определение.

– Я не раз спускал вам ваши дерзости. Но эта будет последней. Будьте любезны заняться устройством своего будущего как можно быстрее.

– Я так и намеревался. Сегодня я лишился единственного, кто делал жизнь в «Фронтоне» терпимой.

Он широким шагом продолжил свой путь, а Стэкхерст провожал его яростным взглядом.

– Невозможный, невыносимый человек! – вскричал он.

Моим же главным впечатлением было то, что мистер Йен Мэрдок воспользовался первым случаем, чтобы открыть себе возможность елико быстрее исчезнуть с места преступления. Подозрение, смутное, туманное, теперь начало обретать большую четкость в моем уме.

Возможно, посещение Беллами могло бросить дальнейший свет на дело. Стэкхерст справился с собой, и мы направились к дому.

Мистер Беллами, мужчина средних лет с огненно-рыжей бородой, казалось, пребывал в самом дурном настроении, и вскоре цвет его лица мог потягаться с бородой.

– Нет, сэр. Никаких подробностей я слышать не желаю. Мой сын, – он кивнул на могучего сложения молодого человека с мясистым насупленным лицом в углу гостиной, – согласен со мной, что ухаживания Макферсона за Мод были оскорбительны. Да, сэр, слово «брак» никогда не произносилось, и все-таки были письма, встречи и еще всякое, чего мы никак одобрить не могли. Матери у нее нет, и мы единственные, кто ее бережет. Мы твердо решили...

Но его заставило умолкнуть появление самой барышни. Бесспорно, она украсила бы любое общество в мире. Кто подумал бы, что такой редкий цветок вырос из подобного корня и в подобной атмосфере? Женщины редко меня привлекали, так как моим сердцем всегда управлял мозг. Но, увидев ее медально-безупречное лицо со всей свежестью Даунсов в нежном румянце, я не мог не признать, что никакой молодой человек, повстречав ее, не мог бы остаться равнодушным. Такова была девушка, которая остановилась теперь перед Гарольдом Стэкхерстом, напряженно глядя на него широко открытыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.